

Евгения Алфёрова

**Повесть
трудной поры
девичьего
счастья**

Автобиографическая
повесть. Рассказы. Стихи

Евгения Алфёрова
Повесть трудной поры
девичьего счастья.
Автобиографическая
повесть. Рассказы. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278019
ISBN 9785448556968

Аннотация

В повествовании – послевоенные детство и юность обыкновенной девчонки. Только время то из наших дней кажется уже необыкновенно жёстким. А тогда, и в сравнении с военными лишениями для детей и взрослых нехватка элементарного воспринималась справедливой ценой за Победу. Также и стихи автора пронизаны переживанием того времени. Когда всё лучшее было впереди.

Содержание

Босоногое детство	5
Оптимистическое девичество	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Повесть трудной поры
девичьего счастья
Автобиографическая
повесть. Рассказы. Стихи**

Евгения Алфёрова

Редактор Сергей Журавлёв

© Евгения Алфёрова, 2017

ISBN 978-5-4485-5696-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Босоногое детство

Семья у нас была большая.

Семеро детей: Александр, Николай, Павел, Иван, Нина, Дина и я, самая младшая.

Отец мой Кирилл Иванович Алфёров был старше матери, Анны Яковлевны (в девичестве Вьюхиной), на 17 лет. Когда я родилась, в Архангельске в 1940 году, отцу было 56 лет. Старшие братья, Александр и Николай были сродными нам по отцу.

Я росла самым хилым ребёнком. В трёхлетнем возрасте, а шёл 1943 год, заболела золотухой. Только вылечилась, и схватила селитёра. Страшная болезнь войны. Целый год мать меня, с огромным животом, таскала по больницам. И лишь в 1945 году за один месяц в шенкурском госпитале меня спасли, хотя до того многие врачи уже отказались лечить. Спасли же меня парным молоком, на горшок с которым меня усаживали. И весь селитёр вышел! Но дошла я до стадии скелета, и ещё год выхаживали меня в санатории при посёлке Исакогорке. А в школу и вовсе пошла в 8 лет, когда смогла.

В 1943 году умер отец. Сгорел за 40 часов после того как в ноябрьской ледяной Северной Двине конопатил деревянную баржу, чтобы зерно, в ней перевозимое, не промокло и дошло до фронта.

На руках у матери осталось пятеро детей. Александр с Николаем воевали с 1941-го. В 1943 году и Павел пошёл на войну. Иван остался «на брони», т.к. нас троих девчонок надо было поднимать, а мама одна не могла. После смерти мужа она стала шкипером на той же барже с номером 2192. Мама с Иваном плавали, и весь плавательный сезон мы, три сестры, проводили на барже. Сухогрузная баржа, на которой перевозили продукты питания, позволяла выживать, но не благодаря грузам, а потому, что с неё ловили рыбу, и после разгрузки удавалось соскрести с деревянного пола трюма кое какие остатки.

К сентябрю моего 8-летия судно стало на зимовку в затон Кузино города Великий Устюг. Там я и пошла в первый класс. До школы всё лето бегала босиком, т.к. никакой обуви не было. А для школы мне, наконец, купили брезентовые туфельки, которые предстояло беречь, ибо иных не предвиделось, и пока совсем не замёрзло, шла до школы босиком, а в школе надевала. В октябре и туфельки перестали спасать от холода, потому до школы ходила в драных маминых валенках, а в школе – щеголяла в туфлях.

В апреле 1949 года мама, Иван и Нина 18-ти лет ушли в навигацию, а нас с Диной, 14-ти лет оставили в Устюге на съемной квартире бывшего священника Дьякова.

Дине было не до меня. Никто никогда не стирал за меня, потому ходила за дом на ручей и полоскала свои одежды. Заела меня вошь. Приду в школу, сяду в угол и реву. Чешусь

до царапин. И боюсь кому сказать. Присетила это, наконец, учительница, Зинаида Викторовна.

– Ты это чего? Все играют, а ты сидишь?

Сквозь слёзы созналась. Стыдно.

Учительница в тот сентябрьский вечер увела меня к себе. Раздела, выжарила в печи и постирала бельё, обрила мои слипшиеся длинные кишаси нечистью волосы, и сожгла их. Три дня держала мою голову в дусте под повязкой. Избавила таки от несчастья. Мыло то в те времена было драгоценностью, и у нас с сестрой его не водилось вовсе. Учительница на каждый вечер с той поры забирала меня к себе и весь второй класс я у неё вечерничала. И мылась, и стиралась, и чаем забавлялась. Ну и уроки учила, конечно, прилежно. Но ночевала у сестры.

Я настолько была благодарна своей спасительнице, что за реку по весеннему льду ходила за распустившейся вербой, и подарила букет. Обе наплакались. И до сих пор при этом воспоминании плачу.

У Дьяковых были две дочки (не помню уже как их звали), близкие мне по возрасту, которые и ещё одна соседская девочка Галя Подволоцкая стали закадычными подружками. Где мы с ними только не бедокурили. Шастали по соседним деревням, прыгали с сараек, играли с мальчишками в войну.

У Гали Подволоцкой отец от войны дезертировал, прятался около Устюга. Мы, дети, видели, бывало в гостях, как мама Гали собиралась, и с узелком уходила куда-то. И в деревне

Кузино, что у Великоустюжского порта, все, похоже, об этом знали, да помалкивали. И так до смерти Сталина. Потом уж я узнала, что сумел этот человек легализоваться, и работал до конца дней там же, в порту. А Галя всю жизнь испытывала жгучий стыд за своих родителей. И когда, лет десять спустя, я узнала Галю, будучи в Устюге, та не откликнулась, и ушла, склонив голову. Не хотела видно знаться с живым свидетелем её позора. А ведь, когда дружили, она мне доверяла, т.к. я не разбалтывала их тайну, и потому часто гостила в их доме.

Училась я хорошо, только вот на физкультуру сил не было. Учительница всё говорила, мол не в сестру, т. к. Дина была очень спортивной и сильной. Жалела меня Зинаида Викторовна, говорила «как же ты учиться то будешь, без сил», и подкармливала, чем могла. Голодно сильно было. Всем.

На зимы 1948 и 1949 годов к нам присоединялись мама, младший брат и старшая сестра. Привозили одежду, еду, и первые месяцы зимы мы жили вполне сносно. Братья, Павел, Николай и Александр пропали без вести.

Зимой при маме было хорошо. Ни о чём заботиться не надо! Хозяин дома, живший во второй половине пятистенка, частенько с нами играл. Был он хорошим артистом, чудаком и выдумщиком. Разыгрывал нас чёртиками, устраивал хоро-воды, переодевался в чудища и смешил нас до колик. Рассказывал стихи, пел песни. Пустил нас на чердак. Где мы любили играть. И нашли как-то чемоданчик. Полный пласти-

нок сусального золота! Понимали бы тогда, что это. А так, эти тончайшие блестящие плёнки лепили куда попало, клеили на зубы и хвалились друг дружке. Что стало с тем золотом, не знаю. Много его было. Капитал. Которым Дьяков, бывший священник, совсем не дорожил. А потому и тратил на наши игры. Хохотал, когда мы хвастались золотыми зубами. Не боялся, что найдут. Что донесут. Что отберут и накажут. Беспечный человек!

К весне в затоне запахло смолой. И мы, детишки, как время позволяло, мчались туда, дышать смоляным дымом, смотреть, как флот готовился к плаваниям. Просмолённые мужики конопатили щели, смолили корпуса судов, в основном деревянные. И вся наша компания тоже, не столько помогала, сколько мешала, мазалась той смолой.

За месяц до окончания учебного года я уплыла с семьёй. Осталась только Дина заканчивать школу, седьмой класс. Простилась с Зинаидой Викторовной и подружками навзрыд. Долго переживала. В то лето пристрастилась к книгам. По слогам вычитывала «Хижину дяди Тома». И очень жалела негров. Плакала. А караван судов шёл из Устьяга в Котлас, а оттуда в Архангельск. И обратно до Котласа. У меня было много времени, и чтобы не слоняться по палубе, читала, переживала, плакала. Доставала родственников вопросами. И удивлялась, что мама никогда не смеялась, тоже плакала, в свободное время.

В июне 1949 года всё поменялось. Однажды на нашу бар-

жу взошёл измождённый, худющий, с белым как полотно лицом, дядька. Мама, увидев его, закричала, бросилась встреч. Мама, Ванька его обнимать, а я стою в сторонке, не понимаю. Наконец, мама подвела его ко мне и сказала, «Женя, это твой брат, Павел!». Нина в то время ходила на пароходе «Шеговары» маслёнщиком. Смазывала детали двигателя, на равных с мужчинами заготавливала дрова. И до зимы про брата ничего не знала.

А у меня к Павлу возникла неприязнь. Ведь я его совсем не помнила. Мама, Ванька, Павел ликовали. Взахлёб делились прошедшим и произошедшим. Впервые я увидела маму весёлой, словно с крыльями за спиной. От Павла многое узнали. Оказалось, он приехал от брата Николая, который был ранен жестоко в 1941 году под Ленинградом, и, лишившись поллица, перенёс всю блокаду, отработал на Кировском заводе, а сразу после войны уехал с женой «на хлеба» её родины в Рязанскую глубинку. Туда, после контузии, в 1948 году добрался и Павел. Там же и узнал, что брат Александр за войну дослужился на Северном Флоте до капитана 1 ранга, и продолжил службу в Северодвинске. А маму с братом и сёстрами потеряли потому, что семья нигде не была прописана, и после смерти отца перемещалась по Северной Двине, без приюта и адреса. Александр семь раз тонул, спасали. Был неоднократно ранен, выжил. У Николая и Александра родились дети. Много война порвала. Жизней, судеб, связей, семей. Покорёжила, покуражилась.

Всё лето Павла выхаживали. Добыли двух овец, откармливали мясом, отпаивали травами. Привыкла, прониклась. Подружились. Ожил. Порозовел. Повеселел.

В августе стало известно, что баржу в Кузино на зиму не поведут. И мама решила, что в школу я впредь ходить буду там, где семья и баржа зимуют. Третий класс начался в деревне Березники. Я ведь второй класс не закончила, и в третий пришла лишь в октябре. Только разлиновала тетради, привыкла к распорядку и урокам, как баржу повели в село Емецк, на другую сторону Северной Двины. В этой школе стало труднее, т.к. в Березниках ребят было мало и учительнице хватало времени, чтобы подтянуть меня до уровня. В Емецке же я стала отставать, появились двойки.

Обрадовалась, когда мама сообщила, что нас снова переводят, на этот раз в райцентр Двинской Березник. Но и там пробыли совсем чуть чуть. Пришло распоряжение прикреплять суда к отстоечным пунктам. Устанавливались послевоенные порядки. И нас, беспризорных, прикрепили к Лимендскому затону, что в городе Котласе. Совсем поздней осенью, ломая первый лёд, нас притащили на зимовку. Здесь же оказалась и Нина.

Поселили нас в районе Новая Ветка, в домике у пропускных ворот к причалу. В конце ноября я пришла в Лимендскую «немецкую» школу. Называлась она так потому, что располагалась в бараке, стоявшем в ряду таких же, построенных для немцев Поволжья, эвакуированных сюда в начале

войны. Так что в классе оказалось пополам русских и немцев. Дина, также перехавшая в Лименду из Кузино, привела меня в беленьком летнем платьице, втокнула в класс, и убежала в свою школу №1. Я страшно застеснялась, и не знала, что сказать. Думала, что ребята меня, за такое платьице засмеют. Но обошлось. Никто даже не хмыкнул, а учительница, Стрекаловская Валентина Ивановна, приняла очень радушно. Притиралась я к новому коллективу долго и сложно. Ну никак ни с кем не дружилось. Однако, когда ребята узнали, что я идеально линую тетради (было время на барже рисовать и чертить), отношение ко мне резко изменилось. А когда я начала сплошь получать пятёрки по чистописанию, то и вовсе, стали наперебой просить меня писать письма. Тогда это было модно. Писать письма красиво, и не важно, что не своей рукой.

1950 год был очень тяжёлым. Злобствовала дизинтерия. Умирили дети. Памятуя о пережитых мною болезнях, мама как могла оберегала меня. К счастью, меня недуги миновали.

Набравшись сил, Павел уехал на работу в Устюг. Мама и Иван подрабатывали, Нина следила за хозяйством в межнавигационном отпуске, мы с Диной учились.

В феврале нас догнал новогодний подарок судьбы. Как то Иван выступил в Великом Устюге на партийной конференции. И среди его речи в зале поднялся человек и спросил:

– Вы – сын Анны Яковлевны Алфёровой!?

– Да.

– И я. Александр!

В перерыве обнялись. Удивились, что не узнали друг друга сразу, и договорились, что устроят маме сюрприз. Чтобы не напугать, позвонили в Лименду и послали парламентаря с поручением ждать очень важного гостя.

Все мы почти до ночи ждали и гадали, кто бы это? Какой начальник к нам придёт, и почему так поздно?

И вот, заходит франтовый моряк. Мама в обморок. Все в слёзы, что мама умерла. У неё до того сердце шалило. Но мама очнулась, и всю ночь они, взрослые, проговорили. А я проспала.

Через два дня Александр уехал. А мама чуть погодя, к нему в гости, в Северодвинск. Так закончилась зима. И для нас, наконец, завершилась война.

В четвёртый класс я пошла 1-го сентября! Валентина Ивановна сразу же предупредила, что 4-й класс выпускной, будут экзамены и потому к учёбе надо отнестись крайне ответственно. Школа оказалась от нас далеко, и приходилось огибать затон целых 8 километров, шагая по шпалам. Однако с ледоставом полегчало, т.к. школа была почти напротив нашей мазанки, на другом берегу затона, и стоило лишь его перейти.

Той осенью нас переселили в «зону» – бывший лагерь. В мазанку с единственной комнаткой, в которой уместит-

лись все: мама, мы с Диной, Иван и Нина с мужем, Гусманом Сафиуловичем Сафиуллиным. Дядя Гриша, как мы его звали, был добрейшей души человеком, хоть и отсидевшим свой срок за молодецкую драку. Полюбились они друг другу на том же пароходе «Шеговары», будучи членами одного экипажа.

Только зиму я проболела. Сначала грипп с осложнением. Страшно заболела голова. Ночи напролёт кричала. Заподозрили менингит. Лечили на дому. Боли сменила полная глухота. Как только не лечили. Однажды знахарка посоветовала капать в уши молоко кормящей матери. Им и лечили дальше. Много детей рожали. Было у кого попросить.

В школе стали писать мне задания. Учёба превратилась в переписку с учителем. Весь четвёртый класс.

Первого мая, утром, Иван пристально так смотрит на меня. А я ничего не пойму, нервничаю. В голове шумит. Ваня, выждал, посомневался ещё с полчаса, подходит и говорит:

– Женька, да ты никак слышишь?!

И я поняла!

– Да! – отвечаю.

– А ты видишь, что у нас?

– Нет.

– На стенку то посмотри!

А там! Там репродуктор музыку и песни первомайские наигрывает. Громко. А я то думала, шум в голове. Вскоре выздоровела. Успела подготовиться и сдала экзамены. А про-

чили мне второй год учиться в том же классе.

Весной 1952 года, как обычно, мама, Иван и Нина с мужем ушли в навигацию, а мы остались доучиваться. Как то утром просыпаемся, а в мазанке по колено воды. Наводнение! И две крысы по комнате плавают! Я страшно перепугалась, и давай орать. Разбудила ором Дину, та тоже в крик. Визжали, пока до нас не добрались мужики из плавсостава, квартировавшего в соседних домах. Ворвались, отловили и выбросили крыс, а нас оставили жить в затопленном доме. Так мы и провели неделю. Обуви то не было. На улицу не выйти. Вот и прыгали с кровати на кровать. К импровизированной кухне на обеденном столе. Наводнение держалось ещё неделю, но нам повезло, т.к. в Лименду пришло судно, на котором служил Павел. Он то нас и забрал к себе на борт.

Только мы освоились, как телеграмма. Мама в тяжелом состоянии в Архангельске! Дина уехала к маме. И баржу Павла повели в Архангельск. А я одна в размокшем доме прожила ещё неделю. Вернулась Дина, рассказала, что мама упала с рубки на палубу. С тяжелейшим сотрясением мозга пролежит в больнице ещё месяца три. Посадила меня на теплоход догонять баржу Павла, дала на пропитание хвост копчёной трески и я, в 11 лет одна три дня плыла в третьем классе на трещёчине, да на воде. Павел встретил меня в Архангельском порту, поселил на баржу, а через неделю приехала его жена, Рая, с месяц как родившейся дочкой Валеёй. А ещё через месяц малышка заболела и умерла.

До конца навигации прожила с Павлом и Раей. Совсем одичала, отбилась от рук, т.к. баржа почти всё время простояла у причальной стенки в Архангельске, а я, с такими же детьми барж дорезвилась до вшей в волосах, которые осерчавший брат мне и состриг к сентябрю. Выписавшаяся мама, увидев меня, только и вымолвила «без матери и дитя сирота». Так в пятый класс я пошла в косыночке с обритой головой.

Из пришедшей в негодность от наводнения мазанки в Зоне нас переселили на Нижний Караван в двухэтажный коммунальный дом. Коммунальная жизнь, дворовая ватага требовали твердости духа, и мне пришлось проявлять характер, т.к. первое время соседские мальчишки донимали не щадя мой возраст и пол. Дралась, как мои любимые герои из прочитанных книг. Хотела быть такой же смелой и справедливой. Придирки кончились сразу после того, как однажды главного задиру, Толю Волова, отправила в нокаут сумкой, в которой тащила тяжеленную книгу. С тех пор мы стали лучшими друзьями. А к друзьям Толяна никто не приставал.

Несмотря на послевоенные годы никакого напряжения в отношениях между местными и немецкими детьми в школе не было. Я дружила и соперничала в выразительном чтении с Эльзой Бонке. Защитником моим от обидчиков в школе был Ваня Фишер.

В пятом классе получила я и первую любовную записку от Васи Ньюхина, со словами «Смотри это письмо только те-

бе, я ведь не всем дарю открытки!» Роман не состоялся. Отбрила я его жестко. Так, что всю жизнь он при встречах стеснялся.

Смерть Сталина проревела вместе со всеми. Не помню, чтобы у кого-то не было эмоций. Черные повязки. Длинные заводские гудки. Растерянность в глазах. Долгие разговоры про неизвестное впереди. Казалось, что лучше уже не будет.

В конце учебного года нам сообщили, что школа закрывается на ремонт и в шестой класс всех разведут по разным школам.

Лето 1954 года провела на маминой барже. Читала столько, что потом казалось, будто за все последующие годы жизни столько не прочла.

Завела собачку. Назвали Тузиком. Достался он мне от мальчишка, который, рыдая шёл топить ещё слепых кутят. Один мне приглянулся, и мальчик с облегчённой совестью ушел дальше. А Тузик вырос большим и достойным псом.

«Душная» школа, потому что стояла у свалки, встретила меня неприветливо. Другой коллектив, другие порядки. Пришлось подстраиваться. Убегать с уроков, доказывая оболтусам, что я не слабже. Стали вызывать маму к классной руководительнице. Вместо неё ходила Дина и устраивала мне разносы. Боялись мы маминой строгости. Однако, пока не встроилась в коллектив, хулиганила.

А весной приехал в гости брат Николай со всей семьёй, и остановились они в нашей коммуналке на месяц. Их четве-

ро, да нас – четверо! Мама увидела сына впервые после войны. Переживала страшно, трогая его ужасные раны. Я пугалась поначалу. Да и как не пугаться, когда у человека половина лица в клочья, соштопанное кое-как. Но Николай умел и этим лицом улыбаться так, что любой оттаивал.

Седьмой класс отучилась в своей немецкой школе. Была этому обстоятельству несказанно рада.

А в восьмой класс, в 1955 году, перевели меня, и уже до выпуска, в новенькую школу №5. В том году мы учились танцевать. В основном вальсы. Ктонибудь напевал, а остальные кружились. В коммунальном доме широкие и длинные коридоры. Было где. Мне в кавалеры чаще всего попадался, или сам подхватывал верный Толька Волов. Начинали заговаривать о любви. И вновь записка, и вновь воздыхатель посрамлён. Не пришло ещё время.

Оптимистическое девичество

Война отдалялась в прошлое. О ней всё меньше говорили. Хотя переживали также остро. Десятилетие победы официально не праздновали. Но в каждой семье, в каждом дворе отмечали. В горькую. Как в атаку. Как в последний раз.

Он приходил изрядно выпивши, и приводил собутыльников. Пили дальше и закусывали так, что после них нам есть было уже нечего. И когда компания расходилась по домам, Иван, брат, в пьяном угаре кричал на маму. Мы заступались, и он набрасывался на нас.

– Нахлебницы! Я вас кормлю, так что молчите!

Ивану в 55-м было 27-мь. И мама его защищала. Она нам всё время говорила, Иван нам всем вместо отца и вы должны его слушаться. Мы и слушались. Стоило ему только глянуть, и мы затихали. Если трезвый. А если нет, или на маму огрызается, молчать не могли, с сестрой.

Ему всегда – лучший кусок мяса. Всё лучшее – для Ивана.

Дина на него гладила, стирала, ушивала, так он и любил её больше, чем меня. Мне же говорил, что я способна только коровам хвосты крутить. Смеялся. А мне обидно.

Дине деньги давал, и она позволяла себе хоть что то купить. А у меня в седьмом классе было единственное из шот-

ландки в клеточку платье с плеча сестры. Которое я каждый день стирала, гладила и пришивала белый воротничёк. Так и проходила в нём весь класс. А мама нас всё убеждала, «вот выучитесь и тогда и там всё будет».

Прошла зима. С Устюга стал подтягиваться плавсостав для подготовки судов к навигации и погрузки. Приехал и брат, Павел. Со всей семьёй. Зато один раз привез всякого из сельпо! Мы с мамой и не видели такого. Павел зимой, оказывается, закончил курсы речников, и получил право на самостоятельное плаванье. Шкипером. Зарплата выросла, но все деньги он отдавал жене.

Мама же по ночам дежурила, днём кормила семью из 8-ми человек, покупая всё сама. Магазин был в Котласе. Она после смены туда. Наберёт две сумки продуктов, перевяжет их, и зерез плечо. Пешком на Нижний караван километра три. Так до середины апреля, когда они, мама, Павел, его жена Рая, и двое пацанов уплыли. А мы с Диной остались доучиваться.

В мае посадили картошку и стали готовиться к экзаменам. Дина сдавала за 10-й класс, а я – за седьмой. Тогда же встал вопрос, куда идти дальше?

Дина подала документы в Кировский сельскохозяйственный институт. Сдала хорошо вступительные экзамены, ей сообщили, что поступила и обещали прислать вызов. Но не прислали. Она прождала до октября, поехала, но было уже поздно. Опоздала. Забрала документы, вернулась домой

и успела поступить в Лимендский речной техникум на механика. Времена были дисциплинарными. Без команды, приказа никуда не решались. Вот и осталась так Дина без высшего образования.

Я же, с Надей Андреевской, решила поступать в Устюжский библиотечный техникум (очень уж книжки любила), да отнеслись мы к подготовке несерьёзно, и не прошли по конкурсу. Пришлось нам с Надей идти в восьмой класс.

На еду постоянно не хватало того, что присылала мама, но поездки были столь дешёвыми, что как то и не ощущали этих трат. Перед мамой нам с сестрой было стыдно. А она, наоборот, порадовалась, что дома остались.

Этим же летом маме с Иваном дали комнатку в Лименде. В квартире на две семьи с большой кухней и длинным коридором. По тем временам это было шикарно! Мы с Диной выбелили все стены. Перевезли железную кровать, стол и сундучок, сделанные Иваном. Вот и всё наше хозяйство.

У Ивана, когда трезвый, были золотые руки и светлая голова. Запомнился случай, когда зимовали мы в Обокше, и было это после окончания войны. Было Ивану тогда 18-ть лет. В Обокшу прилетел самолёт, и что-то у него с двигателем случилось. Экипаж из 3-х человек трое суток горевал, а Иван за это время успел с ним перезнакомиться. Всё ходил вокруг самолёта и упросил командира покопаться. Залез в него и несколько часов ковырялся, вылез, весь чёрный, в масле, сказал «Попробуйте», и ушёл спать, не оглядыва-

ясь. А самолёт завёлся! Командир обрадовался, передал Ване через меня, что вернутся, и прокатят! Улетели, и конечно не вернулись. Ваня же даже не загордился.

Со всей Лименды в новую, 5-ю школу собрали восьмиклассников. И половину класса набрали из «заречья». Из прошлого класса осталось лишь четверо: Я, Надя, Эльза Бонка и Вася Нюхин. Да и те после 8-го ушли кто куда, Надя например, пошла работать, т.к. у неё умерла мама. Тем не менее, из нового набора были и старые знакомые: Боря Черных, Аля Русанова, Юра Лукошков, Саня Игумнова, Нина Бурцева. Единства в классе не получилось, т.к. зареченские ребята так до окончания школы и не сдружились с поселковыми. Но я подружилась с Ниной Мелентьевой, и мы все три года просидели за одной партой. Жила она также на Советской улице и мы вместе ходили в школу.

Рядом со мной жила Галя Никонова, сестра которой торговала в ларьке и всё время подкармливала нас списанными фруктами. Через Галю я познакомилась со Светой Черных, Валею Карагодиной и Зиной Вороховой, с которыми бегали на танцы.

В этом году за Северной Двиной в Тулубьевском затоне стали строить двухэтажные дома, и Иван осенью, по завершению навигации, оформился в строительную бригаду. Зимой, по реке, мы с Диной иногда бегали туда, за 10 километров. Там же, в Тулубьево купили комод и швейную машинку! На санках вдвоём с сестрой прикатали их домой. Сколько

было восторгов и радости! Дина пристрастилась шить и вышивать «ришелье».

К зиме стало не в чем ходить в школу. Мама где-то купила маркизету, а Дина сшила. До сих пор помню в деталях это маркизетовое платье расцветки «тёмная земля с крупными красными цветами». Оно было очень тонкое и просвечивало насквозь. Я стеснялась в нём ходить в школу, и особенно когда вызывали отвечать к доске. И я или отказывалась отвечать, или когда нельзя было не выйти, от смущения молола бог знает что. Все смеялись, а я совсем перестала выходить. Плакала ночами в подушку.

Наполучала двоек, маму вызвали в школу. Пришлось сказать причину. Стали уже учителя думать, что делать?

Дина тоже искала, через сверстников, хотя бы поношенное платье.

И счастье подвернулось! Купили поношенное платье из тёмно-синей шерсти. Я сразу пришила к нему белый воротник. Настроение вернулось. Исправилась в учёбе.

Только вот физика никак не давалась.

По окончании 8-го класса мама и Иван не пошли в навигацию. Иван продолжил строить Тулубьево. Мама устроилась матросом на дебаркадер в Котласском речном порту, и я постоянно бегала к ней. 7 километров тогда не считались расстоянием. Маме запретили плавать, как сердечнице, назначили пенсию по инвалидности. Но надо было работать.

Сосеждествовали мы с семьёй Комаровых, Фаиной, Анато-

лием и их сынишкой, Сашенькой. Дружно. И была у Фаины подруга, Тася, которую та стала сватать маме за Ивана. По-знакомили их, и зимой уже играли свадьбу. 56—57 годы они прожили с нами, в комнате. 5 человек. В сентябре 1957 года Таисья родила сына, назвали Серёжей. Теперь уже шестерым пришлось жить в комнатёнке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.